

УДК 371.334(076)(100)

Кравченко Н. К.

НАРРАТИВ КАК ДИСКУРС: КАТЕГОРИИ, ФУНКЦИИ, МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Статья посвящена исследованию дискурсивной природы нарратива. Выделены категории, функций и инвариантные характеристики нарратива. Структурные методы нарративного анализа рассмотрены как дополнение к интегративной методике дискурс-анализа, сфокусированной на выявлении когнитивных, содержательно-смысловых и мотивационно-прагматических параметров дискурса.

Ключевые слова: нарратив, нарративный анализ, дискурс-анализ, категории.

Кравченко Н. К. Нарратив як дискурс: категорії, функції, методи дослідження в ракурсі сучасного дискурс-аналізу. – Стаття.

Статтю присвячено дослідженню дискурсивної природи нарративу. Визначено категорії, функції та інваріантні характеристики нарративу. Структурні методи нарративного аналізу розглянуто як доповнення до інтегративної методики дискурс-аналізу, сфокусованої на виявленні когнітивних, змістовно-сміслових і мотиваційно-прагматичних параметрів дискурсу.

Ключові слова: нарратив, нарративний аналіз, дискурс-аналіз, категорії.

Kravchenko N. K. Narrative as Discourse: categories, functions, methods of research from the perspective of the discourse analysis. – Article.

The article focuses on the discursive properties of the Narrative. The categories, functions and invariant futures of the Narrative are singled out. Structural methods of the narrative analysis are viewed as an addition to the integrative method of the discourse analysis aimed at establishing the cognitive, semantic and motivational-pragmatic discourse parameters.

Key words: narrative, narrative analysis, discourse analysis, categories.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма обуславливает интерес лингвистов к функции дискурса как семиозиса, миромоделирующего феномена, формирующего представления о мире, институциональные практики, правила, поведенческие коды [6; 7]. В новом парадигмальном ракурсе особую актуальность приобретает изучение дискурсивных характеристик нарратива (далее – Н.), который не столько воспроизводит, сколько создает собственную реальность, и метода нарративного анализа – исследования повествовательных конструкций посредством истолкования смысла, которым люди наделяют переживаемые события, «с точки зрения социально-типичного» [16, 44].

Цель статьи – проанализировать особенности нарратива как дискурсивного жанра и обосновать перспективность методов нарративного анализа для разработки интегративной методики дискурс-анализа. Задачами статьи являются такие: выделить основные категории, функции и конституирующие признаки нарратива как дискурсивного образа; обосновать перспективность методов нарративного анализа для когнитивного, содержательно-смыслового и мотивационно-прагматического исследования дискурса.

Современный нарративный анализ является междисциплинарным направлением, которое фокусируется на изучении *инвариантности* элементов внутренней структуры повествований [17] с целью установить смыслообразующие принципы нарратива, «универсальные повествовательные законы» [1] и *вариативности*, интерпретативности, ситуативности повествований от первого лица, предлагающих различные версии и оценки участников и событий.

Под нарративом мы понимаем тип дискурса, который отличается уникальностью *хронотопа*, *интертекстуальности* и *субъектности*, а также относительно стандартной структурой, унифицированными прагматическими и когнитивными параметрами, производными от категории «*событийность*». В ракурсе структуралистского подхода нарратив определяется как набор инструкций и норм, позволяющих интегрировать индивидуальный случай в некий обобщенный и культурно установленный канон (согласно Й. Брокмейеру и Р. Харре [3, 29–42] нарратив является не описанием некой реальности, а «инструкцией» по ее определению и пониманию).

Современное понимание нарратива и нарративного анализа базируется на различных нарратологических теориях: теории русских формалистов (В. Пропп, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум), диалогической теории нарратива (М.М. Бахтин), теории «новой критики» (Р.П. Блэкмер), неоаристотелианских теориях (У. Бут, Р.С. Грейн), психоаналитических теориях (К. Берк, Ж. Лакан), герменевтических и феноменологических теориях (Р. Ингарден, Ж. Пуле, П. Рикер), структуралистских семиотических теориях (Р. Барт, А.Ж. Греймас, Ж. Женетт, К. Леви-Стросс, Ц. Тодоров, Х. Уайт), теории читательского восприятия (В. Айзер, Х.Р. Яусс), постструктуралистских и деконструктивистских теориях (Ж. Деррида, П. де Ман), теориях нарративного кодирования У. Лабова, Т. ван Дейка и других, теории позиционирования [6].

От других дискурсивных образцов Н. отличается своими конститутивными характеристиками, функциями и категориями.

Так, **инвариантными признаками** Н. являются такие:

а) субъективная энтропия – запоминаемость и интересность рассказанной ситуации вследствие ее «выпадения» из «нормальной цепочки событий»;

б) «кредит доверия»: адресат должен быть уверен, что события произошли именно так, как передает их рассказчик. Существует обратная связь между субъективной энтропией (информационной значимостью) и кредитом доверия: чем более узнаваемыми и предсказуемыми оказываются события (то есть менее интересными), тем меньше слушатель доверяет рассказчику;

в) «каузальность» – выделение причин и следствий в развитии событий. Согласно Т. ван Дейку [26, 273–294], структурная связность нарратива обоснована прагматической детерминированностью его частей действиями, которые являются *условиями* других действий и событий, подчиненных цели повествования (в ракурсе которой получают объяснение все события);

г) многообразие временных инстанций как времени изображаемых событий, времени автора, времени читателя (см. ниже *хронотон* Н.);

д) множественность повествовательных инстанций Н.: автор (реальный, подразумеваемый) – нарратор – фокализатор – фокализуемый – читатель;

е) «анонимность» слушателя или отсутствие определенной «целевой» аудитории: нарратив может быть рассказан в определенной ситуации любому слушателю;

ж) двойственная природа персонажа как отражение реальности и производного (функции) от сюжета; многочисленность инстанций в характеристике персонажа: кто и кого характеризует (автор или другой персонаж, самого себя, постороннего); каким образом осуществляется характеристика (эксплицитно или имплицитно);

з) многомерность и конфликтность субъектов нарратива, которые конституируются в интеракции с другими людьми и институциональными структурами как постоянно возобновляемые, противоречивые и ситуационные. Каждый нарратив – создание автором новой «версии себя»;

и) каноничность;

к) интертекстуальность.

Помимо конститутивных признаков, нарративный дискурс отличается от других дискурсивных образцов своими функциями (информационной, трансформирующей, развлекающей, темпоральной), совокупностью прагматических и психологических функций.

Трансформирующая функция обусловлена избыточной информативностью нарратива, который в интересах связности, полноты и занимательности предлагает больше информации, чем это необходимо для выражения смысла. Упорядочивая

разрозненные события в одну означающую структуру, Н. задает модели интерпретации реальности: акцентирует одни события и замалчивает другие.

Темпоральная функция выражается в том, что, выделяя различные моменты во времени и устанавливая связь между ними, в частности, намекая на финал уже в начале истории, нарратив вносит «человеческие» смыслы в течение времени (эгоцентричное время) и позволяет понять значение самих временных последовательностей. Задача Н. – дать представление о развитии описываемых событий (вступление, завязка, развитие действия, кульминация, завершение действия, развязка, заключение) в их реальной или искусственной последовательности (если последняя кажется автору более целесообразной, чем существующая на самом деле). Темпоральную функцию нарратива часто называют «осюжечиванием», так как сюжет является посредником между событиями и рассказываемой историей, объединяя хронологическое с нехронологическим, трансформируя события в историю. Темпоральная функция нарратива соотносится с категорией *хронотона*.

Психологические функции Н. включают психотерапевтическую («совместное обдумывание» и «сравнение опыта» в критической ситуации) и прогностическую: нарративный текст должен представлять определенное решение проблемной ситуации в фиктивном мире истории, отдаленном от актуального мира читателя (слушателя). Это решение может стать метавозможностью, переносимой читателем (слушателем) на актуальные жизненные ситуации [23, 366–385].

К **прагматическим функциям** Н. относят идентификационную (говорящий идентифицирует себя как члена определенного социума), репрезентативную (взаимное самопредставление коммуникантов в речевой ситуации), дидактическую (говорящий как член социума передает собеседнику некую систему ценностей) и функцию убеждения [21, 527–536]. Т. ван Дейк среди прагматических функций (целей) Н. выделяет основную (повлиять на эрудицию говорящего) и косвенные, а именно: 1) «дать совет»: S (говорящий) допускает, что Н (слушающий) будет поступать так же, как S поступал в аналогичных случаях, и хочет, чтобы Н был в курсе точных условий и последствий таких актов; 2) «побудить к действию»: S хочет, чтобы Н сделал что-то идентичное тому, что S делал ранее так, как описано в его истории; 3) «предупредить»: S хочет, чтобы Н знал, что S поступит так, как описал в своей истории; 4) эмоциональную: говорящий ожидает похвалы, восхищения, позитивного внимания, если его собственные действия были морально позитивными, описываемое событие интересно или рассказано в запоминающейся манере [26, 273–294].

Конститутивные характеристики и функции нарративного дискурса обобщаются в его категориях: *интертекстуальности, событийности, хронотопе, фокализации*.

Интертекстуальность мы определяем как формирующие нарратив культурные и институциональные сценарии, прецедентные тексты, рекуррентные когнитивные структуры, схемы интерпретации, ценностные ассоциации. Она реализуется как глобальная контекстуализация повествования с текстовыми семиосферами (топосами, концептами, универсальными и этнонациональными мотивами и архетипами), текстами с аналогичными топиками, аргументами («добро побеждает зло», если претерпевает определенную диалектическую трансформацию, то есть «должно быть с кулаками»), культурными макросценариями ролевого поведения («Дон Кихот», «не от мира сего», «Наполеон», «Рембо»), жанрами.

Не менее значимой категорией Н. является его *событийность* – выпадение рассказанных событий из «нормального положения вещей», которое следует понимать в терминах семантики возможных миров: курс событий нормален, если он возникает в большинстве альтернативных миров (контекстов нарратива) и сравним с современным миром – определен его законами, конвенциями, правилами и вероятностями. Событийность обобщает все конститутивные характеристики нарративного дискурса: «информационную значимость», «субъективную энтропию», «кредит доверия», «каузальность», поливалентность хронотопе и другие. Событийность выявляется в противопоставлении бытовых обстоятельств неожиданным событиям («Я спокойно копался на даче, и вдруг на соседний участок приземлился самолет»), нормального – чрезвычайному. Так, релевантной в плане событийности будет фраза «Я только что видел ограбление банка», так как никто не отреагирует на нее словами «Ну и что?», а нерелевантной – «На улице скользко, я несколько раз упал». Степень событийности пропорциональна степени нарративности: событийность нарратива может «погашаться», уменьшая степень нарративности, если прогрессия событий замедляется описаниями, комментариями и ретроспекциями.

Категориальный статус для нарративного дискурса имеет специфика его *хронотопе* – пространственно-временной системы координат, организующей континуум, в котором разворачиваются события нарратива [12]. По словам М.М. Бахтина, для хронотопе характерны «темпорализация» пространства, которое втягивается в движение времени, становясь его частью, и «спациализация» времени, которое сгущается и становится формой пространства, его новым («четвёртым») измерением [2, 196–238]. Наиболее изучен в нар-

ратологии мифопоэтический хронотоп, имеющий такие основные функции-характеристики (мы выбрали те из них, которые реализуются не только в мифопоэтическом, но и в любом жанре естественного или искусственного нарратива): 1) хронотоп структурирует текст «геометрически», позволяя анализировать его с помощью таких категорий, как точка, прямая, расстояние, сфера, ось, симметрия; 2) воздействие на пространственно-временные характеристики Н. антропоцентрического фактора, который нарушает «измеримость» хронотопе; воздействие хронотопе на антропоцентрический фактор – на акт интерпретации благодаря «настраиванию Я на ритм внешнего мира (текста)» [13, 228].

Пространственные характеристики нарратива. В устном естественном нарративе условно можно выделить три варианта пространства: 1) пространство реального мира; 2) смешение пространства реальности и вымысла, продиктованного как желанием рассказчика приукрасить свое повествование, так и его потребностью в конструировании собственного Я, действия которого в нарративе более привлекательны и идеальны, чем в реальности; 3) пространство ирреального мира/параллельных миров (неомифологическое моделирование реальности, ввод в сценарий развития нарратива мифологических мотивов, символических явлений, сакральных сюжетов: «То, что он сделал, было сверхъестественным» или «У меня возникло такое ощущение, что я уже встречал этого человека – может быть, во сне или в своей прошлой жизни»).

Темпоральные характеристики нарратива. Основные аспекты теории нарративной темпоральности включают различие времени истории и времени дискурса, а также значение грамматических глагольных форм для времени истории и времени дискурса.

Время нарратива структурируется такими компонентами: *порядком*, в том числе анахронией как расхождением времени дискурса и времени нарратива; *частотой* [19, 21–36] как количеством упоминаний о событиях в дискурсе; *длительностью* – соотношением времени протекания событий истории и времени их изложения в дискурсе. Длительность связана с категорией *темпа нарратива*.

Выделяют *два типа нарративного времени*: событийное (движение от прошлого к будущему) и циклическое, связанное с интертекстуальностью и стереотипностью развития сюжета Н. (с базисными нарративами, интертекстуальными сюжетными линиями, культурными сценариями, интерпретативными репертуарами, культурными ожиданиями о типичном ходе событий). Циклическое, обусловленная всеобъемлющей интертекстуальностью Н., выявляется в темпоральной полифонии нарративного дискурса.

Одной из центральных категорий нарратива служит *фокализация/точка зрения* [14], которая

обеспечивает одновременную актуализацию пространственного, темпорального, нарративно-речевого и модального уровней текста, регулирует коммуникативно-когнитивный процесс рассказывания и понимания нарратива, концептуализацию и реконструкцию «мира истории». В когнитивном плане она обеспечивает процессы накопления читателем «опыта проживания» событий через «чужие» субъективные миры и усвоение общей схемы представления историй, то есть определенного нарративного кода.

Существует три основных типа пространственной точки зрения: внешняя точка зрения повествователя; переменная точка зрения (повествователь/персонаж); внутренняя точка зрения персонажа.

Категориальная специфика нарратива, его параметры и функции обусловили методы нарративного анализа, которые, на наш взгляд, гармонично интегрируются в современную практическую дискуртологию [7] и могут использоваться при моделировании дискурса, исследовании его когнитивного, содержательно-смыслового и мотивационно-прагматического уровней.

Для когнитивного анализа дискурса наиболее перспективным представляется структурный подход, определивший развитие нарратологии и представленный мифологическим (К. Леви-Стросс [10]), «сюжетным» (В. Пропп [11], Б.В. Томашевский), формально-структурным (Р. Барт [1]) анализом нарратива, нарративной семиотикой А.Ж. Греймаса [5], современными моделями нарративного кодирования (У. Лабов, Й. Брокмейер, Р. Харре [17; 20]). Такой подход основан на предположении, что нарративы обладают общей структурой, которую можно анализировать, несмотря на сложность ее вычленения [18, 524]. У. Эко [15] определяет структуру как результирующую модель упрощающих операций, позволяющих рассматривать явление с одной единственной точки зрения и «именовать сходным образом разные вещи»: путем последовательного абстрагирования мы находим гомогенные структуры на разных культурных уровнях и представляем текст в виде некоторой пространственной схемы (пирамиды, круга, спирали, ролевой или темпоральной матрицы и так далее).

Структурный подход допускает разные варианты нарративного анализа: фиксацию в целостных текстах основных тем, элементов мысли и стиля, «логико-временного порядка», семиотических уровней (функций, действий и наррации (Р. Барт [1])); акцентирование внимания на связи текста со средой и взаимосвязи слов в тексте (Т. ван Дейк [26]); выделение элементов текста по их функциям (К. Леви-Стросс, В. Пропп [10; 11]); темпорально упорядоченных предложений (У. Лабов [20]); типологической схемы актантов, демонстрирующей, что между множеством пер-

сонажей нарратива можно выявить те же простейшие отношения, которые обнаруживаются и при грамматическом анализе фразы (А.Ж. Греймас [5, 118–135]).

Применительно к современному дискурсу-анализу методы структурного исследования нарратива перспективны для когнитивного моделирования дискурса [5; 8; 27], прежде всего для исследования его контекстуальной модели. В современной дискуртологии такая модель определяется как прототип коммуникативных параметров дискурса, обобщающий два вида представлений участников дискурса о форме коммуникации: 1) о конвенционально-структурных характеристиках – типе вербального воплощения, тематической составляющей и стиле; 2) об инвариантных (способных воспроизводиться в определенных обстоятельствах) контекстуальных характеристиках – нормах коммуникации и интеракции в определенной сфере общения, типах коммуникантов, их стереотипных ролях, взаимоотношениях, целях, стратегиях, установках, идеологиях и другом. Т. ван Дейк определяет контекстуальную модель как «управляющую систему» дискурса, необходимую для того, чтобы создать связную базу текста, определить жанр дискурса, представить цели и интересы его участников, а также обратить внимание на такие характеристики участников коммуникации, как статус или социальная роль [27].

При сопоставлении приведенного определения с основной методологической предпосылкой нарративного анализа становится очевидным, что все компоненты коммуникативной модели (как структурно-формальные, обозначенные в пункте 1, так и коммуникативно-структурные, обобщенные в пункте 2) или, точнее, каждый из этих компонентов (тип коммуникантов, их стереотипные роли, характерный для них стиль, темы, стратегии и так далее) можно рассматривать как функцию модели, то есть как единицу, которая сообщает информацию о модели в целом и способность вступать в коррелятивные связи с другими элементами. Соответственно, для выявления контекстуальной модели посредством установления ее элементов и связей между ними представляется возможным использовать (интегрировать) различные методы структурного анализа нарратива: актантную схему А.Ж. Греймаса, в которой *актант* понимается как класс понятий, который объединяет различные роли в одной функции (актант «консерватор» в американском политическом дискурсе интегрирует различные роли в функции «защитника традиционных ценностей»); формально-структурный анализ нарратива Р. Барта, устанавливающий зависимости между инвариантными действиями (круги таких действий, по Р. Барту, являются малочисленными, устойчивыми, поддаются классификации), актантами (определяются через круги действий)

и производными от действий актантов дистрибутивными и интегративными функциями. Не менее продуктивными для когнитивного моделирования дискурса являются методы основоположников нарративной семиотики, в частности, В. Проппа (установившего смыслообразующую роль стереотипных функций и порядка их следования на основе обобщения инвариантных действий персонажей с фиксированным набором ролей), К. Леви-Стросса (выделившего структурно-смысловые единицы мифов в виде пучков отношений, представляющих логическую модель, код для разрешения некоего мировоззренческого противоречия).

В частности, анализ мифологического нарратива (метод К. Леви-Стросса) применялся для исследования институциональных дискурсов [9, 172–177] как отличающихся жесткой структурированностью и фиксированной сменой коммуникативных ролей – следствием социальных и идеологических ограничений на тексты, созданные в рамках таких дискурсов. В новостном дискурсе с позиции нарративного анализа определяются главные и второстепенные действующие лица, «герои» и «злодеи», а также последовательно развивающееся действие, которое соответствует привычным для аудитории сценариям и имеет начало, середину, конец и маркированные драматические повороты в сюжете [18, 517–554].

Некоторые современные методы нарративного кодирования можно использовать для выявления макроструктуры дискурса – абстрактного семантического описания глобального содержания дискурса [4, 111–160] или его наиболее значимых в концептуальном отношении фрагментов. В частности, нарративное кодирование У. Лабова, Т. ван Дейка и других исследователей сфокусировано на описании формальных функциональных элементов (абстракта, ориентации, осложнения, оценки, разрешения, кодов), формирующих инвариантные семантические компоненты нарратива. Также формально-функциональный анализ позволяет выявить макроструктуру других дискурсов, в частности, газетной статьи, которая включает в себя резюме и фабулу. Фабула содержит описание ситуации и комментарии, ситуация – описание эпизода и фона, эпизод – описание основных событий и их последствий, фон – описание контекста (условий) и предыстории.

Изучение изоморфности глубинных смысловых структур нарративов вносит вклад в исследование дискурсивной категории интертекстуальности, в которой нарратологи видят основу понимания дискурса, всегда «вписанного» в «более широкие формы понятности» [27, 430] и системы образования значений.

Нарративный анализ может быть эффективным при исследовании не только когнитивно-интерпретационного, но и мотивационно-прагма-

тического уровня дискурса, поскольку изучает адресантность/*субъектность* нарратива как когнитивно-дискурсивный инвариант и как функцию, производную от таких явлений: а) доминантных дискурсов или универсальных культурных сценариев; Й. Брокмейер указывает: «Нарративы действуют как чрезвычайно изменчивые формы посредничества между личностными «моделями» и обобщенными канонами культуры, то есть являются одновременно моделями мира и моделями собственного «я» [3, 38]; б) от локального дискурсивного контекста: личности становятся когерентными и осмысленными посредством осуществляемой ими повествовательной работы, конструируются в разговоре и повествовании как «версии себя» [24]; повествование является особой практикой, посредством которой субъект, исполняя свои роли, осознает себя, рассказывает о том, кем он является и кем хотел бы стать. В связи с этим особый интерес для дискурс-анализа имеет теория позиционирования (как разновидность нарративного анализа), в соответствии с которой дискурсивная личность имеет одновременно социально сконструированную и реляционную (здесь – *интеракционную* – Н. К.) природу. Так, роли субъектов в нарративном дискурсе связаны, с одной стороны, с «базисным» нарративом (с социокультурными сценариями, интерпретативными репертуарами), а с другой – с контекстом разговора, с выбором рассказчиком собственной роли и с позиционированием в интеракции. Д. Сван утверждает: «Комплексный субъект выявляется из реляционного позиционирования по отношению как к «базисным» нарративам, так и к локальному дискурсивному контексту» [25, 403–427].

Соответственно, дискурс-анализ может использовать методику исследования нарратива в соответствии с теорией позиционирования, однако при ее незначительной корректировке, а именно: 1) выявление интертекстуальных сюжетных линий или социокультурных сценариев, на основе которых осуществляется ролевое позиционирование участников диалога; 2) описание субъектных ролей участников, ассоциированных со сценарием; 3) определение уровня совместимости интертекстуальных «сюжетных» линий и ассоциированных с ними позиций участников.

Таким образом, материал статьи позволил нам прийти к выводам о дискурсивности нарратива и перспективности нарративного анализа как компонента интегративной методики дискурс-анализа. Дискурсивность нарратива определяется его «миромоделирующей» функцией: передавая историю, рассказчик выстраивает собственную модель событий и своей роли в их развитии; модель всегда вариативна, поскольку ориентирована на различного слушателя и контекст рассказывания истории.

Другой вектор дискурсивности нарратива – его смысловая и структурная обусловленность (форматируемость) различными дискурсами (универсальными культурными и институциональными сценариями, национально-специфическими сюжетами, интертекстуальными связями, когнитивными схемами нарративов). Структурные методы нарратив-

ного анализа могут быть продуктивными для задач когнитивного и прагматического моделирования дискурсов различных сфер общения. Перспективное направление дальнейших исследований – использование методик нарративного кодирования в анализе институциональных дискурсов (рекламного, политического, юридического).

Литература

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 196–238.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
3. Брокмейер Й. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / Й. Брокмейер, Р. Харре // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29–42. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm.
4. Ван Дейк Т. Анализ новостей как дискурса / Т. ван Дейк // Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111–160.
5. Греймас А.Ж. Размышления об актантных моделях / А.Ж. Греймас // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 153–170.
6. Кравченко Н.К. Современный дискурс и дискурс-анализ: краткая терминологическая энциклопедия / Н.К. Кравченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.discourse.com.ua.
7. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа: [науч.-практ. пособие] / Н.К. Кравченко. – Луцк: Волинь-поліграф, 2012. – 251 с.
8. Кравченко Н.К. Интерактивное, жанровое и концептуальное моделирование международно-правового дискурса: [монография] / Н.К. Кравченко. – К.: Реферат, 2006. – 320.
9. Кравченко Н.К. Нарративно-структурный анализ идеологического дискурса / Н.К. Кравченко // Русский язык и литература в школе и в ВУЗе: проблемы изучения и преподавания: матер. междунар. науч. конф. (г. Горловка, 23–24 сентября 2010 г.) / редкол.: Л.А. Кудрявцева, Л.В. Вознюк, Е.П. Голобородько и др. – Горловка: ГГПИИЯ, 2012. – С. 172–177.
10. Леви-Стросс К. Структура и форма. Размышления об одной работе Владимира Проппа / К. Леви-Стросс // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 121–152.
11. Пропп В. Морфология сказки / В. Пропп. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.
12. Татару Л.В. Точка зрения и ритм композиции нарративного текста (на материале произведений Дж. Джойса и В. Вульфа): автореф. дис. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Л.В. Татару. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2009. – 45 с.
13. Топоров В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура / отв. ред.: Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1983. – С. 227–284.
14. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
15. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко; пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.
16. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии / Е.Р. Ярская-Смирнова // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 39–62.
17. Brockmeier J. Narrative and Identity: Studies in Autobiography, self and culture / J. Brockmeier, D. Carbaugh. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2001. – 307 p.
18. Franzosi R. Narrative Analysis – or Why (and How) Sociologists should be Interested in Narrative / R. Franzosi // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 517–554.
19. Genette G. *Métalepse*. “De la figure à la fiction” / G. Genette // *Métalepse: Entorses au pacte de la représentation* / ed. J. Pier and J.-M. Schaeffer. – Paris: Éditions de l'École des Hautes Études en Sciences Sociales, 2005. – P. 21–36.
20. Labov W. Principles of Linguistic Change / W. Labov // *Social Factors*. – Oxford: Blackwell, 2001. – Vol. II. – P. 596.
21. Prince G. Narrative Pragmatics, Message, and Point / G. Prince // *Poetics*. – 1983. – № 12. – P. 527–536.
22. Prince G. Narrativehood, Narrativeness, Narrativity, Narratability / G. Prince // *Theorizing Narrativity* / J. Pier & J.Á. García Landa (eds). – Berlin: Gruyter, 2008. – P. 19–27.
23. Ryan M.-L. Stacks, Frames, and Boundaries / M.-L. Ryan // *Narrative Dynamics: Essays on Time, Plot, Closure, and Frames* / ed. B. Richardson. – Columbus: Ohio State UP, 2002. – P. 366–385.
24. Sarbin T. Narrative psychology. The storied nature of human conduct / T. Sarbin. – New York, 1986. – 303 p.
25. Swan D. Positioning as a means of understanding the narrative construction of self: A story of lesbian escorting / D. Swan, C. Linehan // *Narrative Inquiry*. – 2001. – № 10(2). – P. 403–427.
26. Van Dijk T. Action, Action Description, and Narrative / T. van Dijk // *New Literary History*. – 1975. – № 6. – P. 273–294.
27. Van Dijk T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / T. van Dijk. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 267 p.
28. Wetherell M. Positioning and interpretative repertoires: Conversation analysis and post-structuralism in dialogue / M. Wetherell // *Discourse and Society*. – 1998. – Vol. 9. – P. 387–412.